

МАРИЯ МАРЦЕВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТАИСИИ ЦВЕТКОВОЙ

КОТ, ИКРА И СЧЁТ В ШВЕЙЦАРСКОМ БАНКЕ

В главной роли:
кот Персик

Мария Марцева

Приключения Таисии Цветковой. Кот, икра и счёт в швейцарском банке

<https://litres.ru/74047741>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скромный аудитор Таисия Цветкова и не подозревала, что обычная командировка обернётся смертельно опасным приключением! Её отправляют проверить финансы рыбоперерабатывающего комбината в тихом приморском городке — но за гладкими цифрами и банками с икрой скрывается чудовищная тайна: отмыwanie грязных денег, контрабанда и счёт в швейцарском банке на сотню миллионов долларов.

К счастью, Таисия не одна. Рядом — рыжий кот Персик, унаследованный от покойного дядюшки-антиквара. Этот наглый обжора оказался настоящим экспертом по фальшивкам: он чует ложь за версту, разоблачает поддельную икру, находит спрятанные улики и спасает хозяйку от бандитов!

Ночные погрузки в порту, шторм, погоня на катере, продажный майор и заграничный кукловало — бухгалтерше с

котом предстоит вывести на чистую воду целую преступную империю. Удастся ли распутать дело и остаться в живых?

Ироничный детектив в лучших традициях жанра — с юмором, обаятельными героями и хвостатым сыщиком!

Содержание

Усы, лапы и финансовый отчёт	5
Глава 1. Наследство от клиента	5
Глава 2. Персик охраняет посылку	15
Глава 3. Старые квитанции	24
Глава 4. Забытая фабрика	33
Глава 5. Сторож со стажем	43
Глава 6. Кот находит ход	54
Глава 7. Подвал с секретом	63
Глава 8. Конкуренты из прошлого	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мария Марцева Приключения Таисии Цветковой. Кот, икра и счёт в швейцарском банке

Усы, лапы и финансовый отчёт

Глава 1. Наследство от клиента

Утро вторника началось с того, что рыжий кот Персик решительно столкнул со стола мою любимую кружку с недопитым кофе. Фарфор разлетелся вдребезги, бежевая лужа поползла по линолеуму, а наглый зверь невозмутимо уселся на освободившееся место и принялся вылизывать лапу с таким видом, будто совершил подвиг государственной важности.

— Персик! — возмутилась я, хватая тряпку. — Ты сообщаем, что натворил? Это был немецкий фарфор, между прочим! Мне его бабушка завещала!

Кот зевнул, демонстрируя розовую пасть и внушительные клыки, и отвернулся к окну. Дескать, разбирайся со своими проблемами сама, человек, у меня дела поважнее — вон во-

робей на карнизе чирикает.

Меня зовут Таисия Петровна Цветкова, мне тридцать два года, и я работаю бухгалтером. Профессия, которую большинство людей считают самой скучной на свете. Цифры, балансы, дебет с кредитом, отчёты в налоговую — романтики ноль. Но я свою работу люблю. В мире, где всё постоянно меняется, где люди врут, изменяют и подводят, цифры остаются единственной честной вещью. Они никогда не обманывают. Если дважды два — четыре, то так будет всегда, при любой власти и любой погоде.

Я ползала по полу, собирая осколки, когда в дверь позвонили. Персик мгновенно наострил уши и спрыгнул со стола, проявив несвойственную ему прыть. Этот кот терпеть не мог гостей, но любопытство у него было воистину кошачье — он непременно должен был знать, кто посмел нарушить покой его величества.

— Иду, иду! — крикнула я, вытирая мокрые руки о халат.

На пороге стоял курьер — щуплый парнишка лет двадцати в синей форменной куртке. В руках он держал картонную коробку, перевязанную бечёвкой, и потёртый планшет с документами.

— Цветкова Таисия Петровна? — спросил он, заглядывая в бумаги.

— Это я.

— Распишитесь вот здесь. Вам наследство.

Я растерялась настолько, что чуть не выронила протяну-

тую ручку.

— Какое ещё наследство? Вы ничего не путаете? У меня вся родня жива-здоровая, тьфу-тьфу-тьфу.

— Ничего не путаю, — флегматично ответил курьер. — От гражданина Соколова Аркадия Михайловича. Согласно завещанию, заверенному нотариусом. Вот, всё по закону.

Соколов Аркадий Михайлович... Это имя отозвалось во мне тупой болью. Аркадий Михайлович был моим клиентом — точнее, я вела бухгалтерию его маленькой антикварной лавки на Покровке последние три года. Милейший старичок, божий одуванчик с пушистыми седыми бакенбардами и неизменной бабочкой вместо галстука. Он всегда угощал меня крепким чаем из настоящего самовара и рассказывал удивительные истории про каждую вещь в своём магазинчике. А две недели назад его не стало — сердце. Я ходила на похороны, плакала, как по родному дедушке.

— Распишитесь, — повторил курьер, и я машинально вывела свою закорючку.

Парнишка вручил мне коробку, козырнул и испарился, оставив меня в полной растерянности стоять посреди прихожей. Коробка была неожиданно тяжёлой и пахла пылью, старой бумагой и почему-то воском.

— И что это такое, скажи на милость? — обратилась я к Персику.

Кот не ответил. Он сидел в двух метрах от меня, вздыбив шерсть на загривке, и не отрываясь смотрел на коробку.

Хвост его нервно подёргивался, а из горла вырывалось низкое утробное урчание — не довольное мурлыканье, а самый настоящий боевой рык. Я никогда раньше не видела своего флегматичного обжору таким напряжённым.

— Перси, ты чего? Это всего лишь коробка.

Я понесла её на кухню, и кот тут же метнулся следом, держась на безопасном расстоянии, но не сводя с посылки глаз. Поставив коробку на стол, я отыскала ножницы и разрезала бечёвку. Крышка поддалась с тихим скрипом, и в нос мне ударил концентрированный запах прошлого — так пахнут старые библиотеки и бабушкины сундуки.

Внутри обнаружился белый конверт, лежащий поверх какого-то свёртка, обёрнутого в пожелтевшую газету. Я взяла конверт дрожащими пальцами. На нём аккуратным каллиграфическим почерком было выведено: «Таисии Петровне. Лично в руки».

Сердце забилось чаще. Я надорвала край и вытащила сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Письмо было написано тем же красивым старомодным почерком, что и надпись на конверте — рукой Аркадия Михайловича.

«Дорогая моя Таисочка!

Если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет на этом свете. Не грусти, голубушка, я прожил долгую и интересную жизнь, повидал многое и ни о чём не жалею. Почти ни о чём.

За три года нашего знакомства я успел узнать тебя как человека редкой честности и порядочности. В наше лживое

время это огромная редкость, поверь старику. Ты единственная, кому я могу доверить то, что хранил всю свою жизнь, не решаясь ни рассказать кому-либо, ни избавиться от этого груза.

В этой коробке лежит ключ к тайне, которая мучила меня без малого тридцать лет. Я не сумел распутать этот узел сам — не хватило ни смелости, ни сил, ни времени. Но ты умница, ты разберёшься. У тебя бухгалтерская голова, ты привыкла видеть то, что скрыто за цифрами, и доводить дело до конца.

Прошу тебя только об одном: будь осторожна. Эти люди опасны, и они до сих пор где-то рядом. Они ничего не забыли и ничего не простили. Не доверяй никому, кроме своего кота — животные чувствуют зло лучше нас.

Начни с квитанций. Они расскажут тебе больше, чем любые слова.

Прости, что взваливаю на тебя эту ношу. Но больше мне не на кого положиться.

Твой старый друг, Аркадий Соколов».

Я перечитала письмо трижды, и с каждым разом мурашки всё активнее бегали у меня по спине. Какая тайна? Какие опасные люди? О чём вообще речь? Аркадий Михайлович всегда казался мне самым обыкновенным, мирным человеком — торговал старинными часами, фарфоровыми статуэтками и потускневшим серебром. Что за детективы творились в его жизни?

Персик тем временем осмелел и подобрался к столу. Встав на задние лапы, он заглянул в коробку, понюхал газетный свёрток и вдруг оглушительно зашипел, отпрыгнув назад.

— Да что с тобой сегодня! — я погладила кота, но он вырвался и убежал под диван, сверкая оттуда зелёными глазами.

Странно. Очень странно. Я никогда не была суеверной — профессия не позволяет верить во всякую чертовщину, цифры суеверий не терпят. Но поведение Персика выбивало почву из-под ног. Кот будто чуял в этой коробке нечто недоброе.

Преодолевая внезапную робость, я развернула газетный свёрток. Это оказался выпуск «Вечерней Москвы» за тысяча девятьсот девяносто третий год — пожелтевший, ломкий, с расплывшимися буквами. Внутри лежала перевязанная суrowой ниткой пачка квитанций и каких-то официальных бумаг. Бумага была плотная, серая, с водяными знаками — такую теперь не делают.

Я осторожно развязала нитку и разложила документы на столе. Квитанции об оплате, накладные, какие-то акты приёма-передачи. Все они относились к началу девяностых и были связаны с неким предприятием — «Прядильно-ткацкая фабрика номер семнадцать имени Розы Люксембург». Печати, подписи, размашистые росчерки давно ушедших людей.

Я взяла одну из квитанций и поднесла к глазам. Сумма, указанная в ней, заставила меня присвистнуть. По тем временам это были колоссальные деньги — целое состояние! И

таких квитанций в пачке было не меньше двух десятков.

— Ничего себе антиквар, — пробормотала я. — Какие у вас были дела с ткацкой фабрикой, Аркадий Михайлович?

Бухгалтерская привычка взяла своё. Я разложила бумаги в хронологическом порядке и принялась их изучать с тем же тщанием, с каким сводила квартальные отчёты. И постепенно сквозь сухие казённые формулировки начала проступать странная картина. Деньги — огромные деньги — переводились со счёта фабрики на счёт какой-то конторы с невнятным названием «Кооператив „Восход“». А потом исчезали. Растворялись в воздухе. Никаких следов, куда они делись дальше, в бумагах не было.

Я не специалист по уголовным делам, я просто бухгалтер. Но даже мне стало очевидно: это была классическая схема вывода средств. Кто-то методично, год за годом, обескровливал фабрику, перекачивая её деньги неизвестно куда. И фабрика в итоге обанкротилась — об этом свидетельствовал последний документ в пачке, акт о ликвидации предприятия, датированный девяносто шестым годом.

— Так вот о какой тайне ты писал, — прошептала я, чувствуя, как по коже снова бегут мурашки.

В этот момент Персик вылез из-под дивана, подошёл к столу и положил лапу на одну из квитанций — словно ткнул пальцем в важное место. Я взглянула на документ. Это была накладная, в углу которой стояла неразборчивая подпись и оттиск личной печати. Приглядевшись, я с трудом разобрала

фамилию: «Директор Гольцов В. С.».

— Гольцов, — повторила я задумчиво. — Что же ты за птица, товарищ Гольцов?

Кот мяукнул и снова потрогал бумагу лапой, будто соглашаясь, что копать нужно именно в эту сторону.

За окном сгущались сумерки. Я просидела над квитанциями целый день, забыв про работу, про обед, про разбитую кружку. Чем дольше я вглядывалась в эти выцветшие цифры, тем сильнее меня затягивало. Аркадий Михайлович был прав — у меня действительно бухгалтерская голова, и эти бумаги манили меня, как незаконченный пасьянс манит игрока. Я не могла остановиться, пока не сложу всю картину целиком.

Но кое-что не давало покоя. Где во всей этой истории сам Аркадий Соколов? Его имени не было ни в одном документе. Он не значился ни директором, ни бухгалтером, ни поставщиком фабрики. Тогда почему эти бумаги хранились у него тридцать лет? И почему он так боялся каких-то людей, что не решился рассказать правду даже на смертном одре, переложив всё на плечи скромного бухгалтера?

Я отложила квитанции и потёрла уставшие глаза. Персик запрыгнул ко мне на колени, свернулся клубком и замурлыкал — на этот раз вполне миролюбиво, словно одобряя моё решение взяться за расследование.

— Ну что, рыжий, — сказала я, почёсывая его за ухом. — Похоже, нас с тобой ждёт приключение. Старик доверил нам

тайну, и я не могу его подвести. Будем распутывать.

В ответ кот зевнул и поудобнее устроился у меня на коленях. А я взяла телефон и набрала в поисковике: «Прядильно-ткацкая фабрика номер семнадцать имени Розы Люксембург, Москва». Экран на секунду задумался, а потом выдал единственную ссылку — короткую заметку на краеведческом форуме.

«Заброшенная фабрика на окраине, — гласил текст. — Закрыта в середине девяностых. Здание признано аварийным, доступ закрыт. С местом связано множество городских легенд. Поговаривают, что бывший сторож до сих пор сторожит руины, хотя охранять там давно нечего».

Я почувствовала, как азарт окончательно захватил меня. Фабрика никуда не делась. Она стоит там, на окраине, заброшенная и забытая всеми, храня свои секреты. И где-то среди её развалин, возможно, спрятан ответ на вопрос, который тридцать лет мучил старого антиквара.

— Завтра же поедem туда, — решительно объявила я Персику. — Посмотрим своими глазами.

Кот приоткрыл один глаз, смерил меня скептическим взглядом и снова задремал. Но я готова была поклясться, что в его кошачьей голове уже зрел свой собственный план. Недаром Аркадий Михайлович написал: не доверяй никому, кроме кота. Похоже, в этом деле мой рыжий обжора окажется не просто пассажиром, а полноценным напарником.

За окном окончательно стемнело. Я собрала квитанции,

аккуратно сложила их обратно в коробку и спрятала её на верхнюю полку шкафа, подальше от чужих глаз. Письмо Аркадия Михайловича я перечитала ещё раз и убрала в карман халата — поближе к сердцу.

Спать в ту ночь я почти не смогла. Перед глазами стояли пожелтевшие квитанции, неразборчивая подпись директора Гольцова и встревоженные строчки прощального письма. А ещё мне всё чудилось, будто кто-то наблюдает за моим окном с тёмной улицы. Я даже встала и выглянула наружу, но увидела лишь пустой двор, тусклый свет фонаря и кота соседки, перебегающего дорожку.

«Глупости, — сказала я себе. — Нервы разыгрались».

Но Персик в ту ночь так и не сомкнул глаз. Он сидел на подоконнике неподвижно, как изваяние, и сторожил темноту за стеклом. Будто знал что-то, чего не знала я.

И, как выяснилось очень скоро, знал.

Глава 2. Персик охраняет посылку

Утро среды выдалось пасмурным. За окном моросил мелкий противный дождь, какой бывает только поздней осенью, — он не лил, а словно висел в воздухе сырой пеленой, оседая на стёклах и душе. Я проснулась с твёрдым намерением ехать на фабрику, но первое, что увидела, открыв глаза, заставило меня замереть.

Персик сидел на шкафу.

На том самом шкафу, куда я вчера вечером спрятала коробку с наследством Аркадия Михайловича. Кот восседал прямо на коробке, поджав под себя лапы, и смотрел на меня немигающим взглядом. Поза его была преисполнена такой важности и серьёзности, что я невольно вспомнила каменных львов у входа в краеведческий музей.

— Перси, ты как туда забрался? — изумилась я.

Шкаф был высокий, под потолок, гладкий, без всяких выступов. Как этот толстый рыжий бочонок умудрился взлететь на самую верхотуру, оставалось загадкой. Обычно Персик ленился даже на подоконник запрыгнуть — предпочитал, чтобы я его туда подсаживала, словно барыню в карету.

Я встала, потянулась и направилась к шкафу.

— Ну-ка слезай оттуда, разбойник. Мне коробка нужна, мы сегодня едем расследовать.

Я протянула руки, чтобы снять коробку, и тут произошло

немыслимое. Мой ласковый, добродушный кот, который за пять лет совместной жизни ни разу не поднял на меня лапу, вдруг ошетинился, прижал уши к голове и зашипел так яростно, что я отдёрнула руки.

— Персик! — оторопела я. — Ты что себе позволяешь?

Кот не отступил. Напротив, он распушил хвост, превратившись в рыжий шар вдвое больше обычного, и угрожающе заурчал, не сводя с меня глаз. Стоило мне снова потянуться к коробке, как он выпустил когти и хлестнул лапой по воздуху — не задевая меня, но предупреждая совершенно недвусмысленно: не тронь.

Я опустила руки и отступила на шаг, совершенно сбита с толку.

— Так. Объясни мне, пожалуйста, что происходит. Это, между прочим, моя коробка. Мне её завещали. И я хочу её забрать.

Персик в ответ улёгся на коробку всем своим немалым телом, словно наседка на гнезде. Дескать, через мой труп.

Я почесала затылок. Ситуация складывалась абсурдная. Тридцатидвухлетняя женщина с высшим образованием не может забрать собственное имущество, потому что его охраняет восьмикилограммовый рыжий кот. Расскажи кому — засмеют.

— Ладно, — решила я сменить тактику. — Пойду заварю кофе. А ты подумай над своим поведением.

Я отправилась на кухню, размышляя о странностях свое-

го питомца. Может, кот заболел? Бывает же у животных помутнение рассудка. Но нет, выглядел Персик абсолютно здоровым — глаза ясные, нос влажный, шерсть блестит. Он не был болен. Он что-то охранял. Или, может быть, от чего-то меня оберегал?

Я вспомнила строчку из письма Аркадия Михайловича: «Не доверяй никому, кроме своего кота — животные чувствуют зло лучше нас». Старик будто предвидел, что Персик станет частью этой истории. Но почему кот не подпускает к коробке даже меня?

За приготовлением кофе меня настиг телефонный звонок. Номер был незнакомый, городской.

— Алло? — ответила я.

— Таисия Петровна Цветкова? — голос в трубке был мужской, вежливый, с лёгкой хрипотцой. Так говорят люди, которые много курят и привыкли отдавать распоряжения.

— Да, это я. С кем имею честь?

— Меня зовут Виктор Степанович. Я звоню по поводу наследства, которое вы получили вчера от покойного Аркадия Михайловича Соколова.

Я едва не выронила чашку. Сердце ёкнуло и провалилось куда-то в район пяток. Откуда этот человек знает про коробку? Курьер приехал только вчера. Я никому не рассказывала. Даже на работу не звонила.

— Простите, а откуда вам известно о наследстве? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Понимаете, Таисия Петровна, — мягко продолжил незнакомец, — покойный Аркадий Михайлович был моим давним другом и компаньоном. Перед смертью он по ошибке завещал вам некоторые бумаги, которые на самом деле принадлежат мне. Семейные документы, ничего интересного для постороннего человека. Старые квитанции, накладные. Но для меня они имеют большую сентиментальную ценность. Я был бы крайне признателен, если бы вы вернули их законному владельцу. Разумеется, я компенсирую вам все хлопоты. Скажем, сто тысяч рублей. Наличными. Сегодня же.

Сто тысяч за пачку старых квитанций. За макулатуру тридцатилетней давности. Любой здравомыслящий человек на моём месте насторожился бы. А я как раз была человеком очень здравомыслящим — профессия обязывает.

— Виктор Степанович, — осторожно произнесла я, лихорадочно соображая, — а вы, случайно, не тот самый Гольцов? Директор фабрики имени Розы Люксембург?

В трубке повисла тяжёлая, вязкая тишина. Я слышала только дыхание собеседника — оно стало чаще и громче. Я поняла, что попала в самую точку. И тут же пожалела о своих словах. Зря я выдала, что прочитала бумаги. Зря показала, что разбираюсь в деле.

— А вы, оказывается, любопытная особа, — голос Гольцова мгновенно изменился, из бархатного став холодным и колючим, как иней. — Не по годам сообразительная. Это

похвально. Но опасно, Таисия Петровна. Очень опасно. Послушайте доброго совета: не суйте свой хорошенький носик туда, куда его совать не следует. Верните бумаги, возьмите деньги и забудьте обо всём. Так будет лучше для вашего же здоровья. И для здоровья вашего кота.

Последняя фраза прозвучала как откровенная угроза. Я почувствовала, как внутри всё похолодело, но вместе со страхом во мне поднялась и злость. Угрожать мне? Угрожать Персику? Да кто он такой, этот Гольцов?

— Знаете, что, Виктор Степанович, — отчеканила я, сама удивляясь твёрдости своего голоса, — никаких бумаг я вам не отдам. И денег ваших мне не надо. А если вы ещё раз позвоните и будете угрожать мне или моему коту, я обращусь в полицию. У меня, между прочим, есть письмо Аркадия Михайловича, где он чёрным по белому пишет про опасных людей. Думаю, следователям будет интересно с ним ознакомиться.

И я бросила трубку. Руки тряслись. Я плеснула в чашку остывший кофе и залпом выпила, не чувствуя вкуса.

Так вот оно что. Гольцов жив. Жив и здоров, и до сих пор боится этих бумаг, готов выложить за них сто тысяч и угрожать незнакомой женщине. Значит, в квитанциях кроется что-то по-настоящему важное. Что-то, что может ему навредить даже спустя тридцать лет.

И тут до меня дошло. Персик! Кот не подпускал меня к коробке не из вредности. Он чувствовал опасность — ту са-

мую, что только что прозвучала в телефонной трубке. Каким-то непостижимым звериным чутьём он понял раньше меня, что эти бумаги притягивают беду, и охранял их — а заодно и меня — от всех, не делая исключения даже для хозяйки.

Я вернулась в комнату. Персик по-прежнему лежал на шкафу, но при моём появлении приподнял голову. Его зелёные глаза смотрели на меня уже не враждебно, а вопросительно. Будто спрашивал: ну что, поняла наконец?

— Поняла, рыжий, — тихо сказала я. — Всё поняла. Звонил плохой человек. Гольцов. Он хочет забрать наши бумаги. Но мы ему не отдадим, правда?

При слове «Гольцов» кот глухо заворчал, и шерсть на его загривке снова встала дыбом. Меня даже мороз по коже продрал. Откуда кот мог знать эту фамилию? Совпадение? Или Персик и впрямь понимал куда больше, чем я могла вообразить?

— Слезай, Перси, — мягко позвала я, протягивая руку. — Теперь я знаю, что бумаги опасны. Я буду осторожна. Обещаю.

На этот раз кот не зашипел. Он внимательно посмотрел на меня, словно взвешивая, можно ли мне доверять, а потом грациозно — откуда только взялась грация в этом толстяке — спрыгнул со шкафа прямо ко мне на руки. Я едва удержалась под его весом. Персик потёрся мордой о мою щёку и замурлыкал, давая понять, что мир восстановлен.

— Ну вот и славно, — я погладила его по спине. — Будем работать вместе.

Я сняла коробку со шкафа и поставила на стол. Открыла, проверила содержимое — всё на месте, квитанции, накладные, газета, акт о ликвидации. Гольцов так быстро вышел на меня. Откуда он узнал? Курьер? Нотариус? Кто-то из тех, кто оформлял наследство, явно был связан с этим человеком. Круг подозреваемых начинал расширяться, и это мне совсем не нравилось.

Раздумывая над этим, я машинально перебирала бумаги — и вдруг заметила то, на что вчера не обратила внимания. Газета, в которую были завёрнуты документы, оказалась сложена не просто так. На одной из внутренних страниц, в углу, чьей-то рукой была сделана пометка карандашом. Бледная, почти стёршаяся, но различимая. Цифры и буквы: «Ф-17, подвал, секция Г, за котлом».

Сердце забилося чаще. Фабрика номер семнадцать. Подвал. Это была подсказка. Аркадий Михайлович — а я не сомневалась, что пометку сделал именно он, — оставил мне след. В подвале фабрики что-то спрятано. Что-то, ради чего Гольцов готов на всё.

— Перси, смотри! — я показала коту газету, и он, к моему удивлению, обнюхал пометку и одобрительно мурлыкнул. — Нам туда. В подвал. За котёл, в секцию «Г».

Теперь я уже не сомневалась: ехать на фабрику нужно немедленно. Гольцов знает обо мне. Он попытается опере-

дить нас, добраться до тайника первым или, чего хуже, уничтожить улики. Медлить нельзя.

Я быстро оделась — джинсы, тёплый свитер, удобные кроссовки, на которые натянула непромокаемые ботинки на случай грязи. В заброшенном здании наверняка сыро и пыльно. Прихватила фонарик, который держала на случай отключения электричества, перчатки и старую сумку. Письмо Аркадия Михайловича переложила в потайной кармашек, а коробку с квитанциями решила взять с собой — оставлять её дома, зная о Гольцове, было слишком рискованно.

Оставался один вопрос — что делать с Персиком. Брать кота в заброшенное здание, кишашее крысами, битым стеклом и опасностями, казалось безумием. Но оставить его дома одного, когда поблизости рыщет человек, угрожавший расправой... На это я тоже не могла пойти.

— Поедешь со мной, — решила я, доставая переноску. — Будешь моим телохранителем. И детектором опасности заодно. У тебя, я смотрю, нюх на негодяев отменный.

Персик, обычно ненавидевший переноску всеми фибрами кошачьей души, на сей раз залез в неё на удивление покладисто. Будто понимал серьёзность момента и не желал тратить время на капризы.

Я уже стояла в прихожей, застёгивая куртку, когда снова зазвонил телефон. Тот же незнакомый номер. Гольцов. Я не стала отвечать. Просто смотрела на мигающий экран, чув-

ствуя, как внутри крепнет упрямая решимость.

— Не дождёшься, — сказала я телефону. — Мы тебя опередим.

Телефон смолк, а через секунду пиликнул — пришло сообщение. Я открыла его и похолодела. Всего три слова: «Я уже знаю, где ты живёшь».

Персик в переноске глухо зарычал, словно прочитал текст вместе со мной. А я вдруг отчётливо поняла: обратной дороги нет. Тайна Аркадия Михайловича втянула меня в водоворот, из которого можно выбраться только одним способом — раскрыв её до конца.

— Поехали, рыжий, — твёрдо сказала я, подхватывая переноску и коробку. — Нас ждёт фабрика имени Розы Люксембург.

Захлопнув за собой дверь, я дважды повернула ключ в замке и ещё раз оглянулась на пустой подъезд. Никого. Но ощущение чужого взгляда между лопаток не покидало меня до самой улицы. И Персик, мой верный рыжий страж, всю дорогу до машины не сводил настороженных глаз с окружающих теней.

Глава 3. Старые квитанции

Мой выдавший виды «Форд» цвета «мокрый асфальт» завёлся не с первого раза — мотор покашлял, поворчал, как недовольный старик, которого разбудили среди ночи, но всё же ожил. Я пристроила переноску с Персиком на пассажирское сиденье, пристегнула её ремнём безопасности — кот этого терпеть не мог, но сегодня покорно стерпел — и положила коробку с документами в багажник, накрыв старым пледом.

Дождь усилился. Дворники монотонно скрипели по лобовому стеклу, размазывая водяные капли. Я выехала со двора, поглядывая в зеркало заднего вида — паранойя, поселившаяся во мне после звонка Гольцова, заставляла подозревать каждую машину. Но позади никого подозрительного не было: только потрёпанная «Газель» хлебозавода да молодая мамочка с коляской под зонтом.

— Знаешь, Перси, — сказала я, чтобы заглушить тревогу, — прежде чем ехать на фабрику, нам надо как следует подготовиться. Бросаться в омут с головой — это не для бухгалтеров. Сначала факты, потом действия. Заедем в одно место.

Кот в переноске мяукнул — то ли соглашаясь, то ли требуя выпустить его на свободу. Я истолковала это как одобрение.

Этим «одним местом» была городская публичная библио-

тека, точнее — её отдел периодики, где хранились подшивки старых газет. У меня была там знакомая, Зинаида Павловна, седовласая дама необъятных размеров и энциклопедических знаний, заведовавшая архивом ещё с советских времён. Когда-то я помогала ей разобраться с налоговой декларацией, и старушка прониклась ко мне глубочайшей симпатией.

Оставлять Персика в машине я побоялась, а потому, недолго думая, накрыла переноску курткой и пронесла внутрь, как ни в чём не бывало. К счастью, в будний дождливый день в библиотеке было пусто, словно в склепе.

— Таисочка! — обрадовалась Зинаида Павловна, всплеснув пухлыми руками. — Какими судьбами? Неужто опять с бумагами помочь надо?

— Здравствуйте, Зинаида Павловна, — я улыбнулась. — Помощь и правда нужна, только не с моими бумагами. Меня интересует одна старая история. Прядильно-ткацкая фабрика номер семнадцать имени Розы Люксембург. Девяностые годы. Всё, что у вас есть.

Лицо библиотекаряши вытянулось.

— Ох, деточка, скверная это история. Я-то помню, как же. Тогда об этом весь город гудел. — Она понизила голос, хотя вокруг не было ни души. — Идём, покажу подшивки. Только сразу скажу: дело то нечистое было. Очень нечистое.

Мы прошли в дальний зал, заставленный высокими стеллажами, от которых пахло пылью, плесенью и временем. Зинаида Павловна, кряхтя, сняла с полки несколько тяжёлых

переплёт — подшивки «Вечерней Москвы» и местной газеты «Заводская правда» за девяносто пятый и девяносто шестой годы.

— Вот, ищи здесь, — она водрузила фолианты на стол. — А я тебе чайку принесу, ты вон вся продрогла.

Когда она удалилась, я приоткрыла куртку, и Персик высунул из переноски рыжую морду, с интересом озирая книжное царство.

— Сиди тихо, — шепнула я. — Мы тут по делу.

Я раскрыла первую подшивку и принялась листать хрупкие пожелтевшие страницы. Заголовки тех лет пестрели словами «приватизация», «акционирование», «реформа». И вот, наконец, в номере за март девяносто шестого я наткнулась на то, что искала. Статья называлась размашисто: «Закат фабричной звезды: кто пустил по ветру народное добро?»

Я впиалась глазами в текст. Журналист — некий А. Векшин — желчно и подробно описывал банкротство фабрики имени Розы Люксембург. Когда-то это было крупное, процветающее производство, гордость района. Сотни рабочих, тонны качественной ткани, заказы со всей страны. А потом, в начале девяностых, фабрику акционировали — и началось странное. Прибыль таяла на глазах, оборудование ветшало, зарплату не платили месяцами. Через несколько лет некогда богатое предприятие объявили банкротом и распродали с молотка за бесценок.

«Куда же делись деньги? — вопрошал бойкий журналист. — Куда испарились многомиллионные прибыли некогда успешного предприятия? Этот вопрос мы адресуем директору фабрики В. С. Гольцову и его ближайшему окружению. Однако господин Гольцов от комментариев упорно уклоняется».

Гольцов! Вот оно. Всё сходилось с моими догадками. Директор методично разорял фабрику, выводя деньги через подставной кооператив «Восход», а потом обанкротил предприятие и, судя по всему, неплохо нажился на его распродаже.

Я листала дальше и в следующем номере нашла продолжение. Заметка была короткой и какой-то испуганной, словно её писали с оглядкой. «Главный бухгалтер фабрики имени Розы Люксембург Соколов А. М. подал заявление об увольнении и, по слухам, покинул город».

Я замерла. Соколов А. М. Аркадий Михайлович Соколов. Мой Аркадий Михайлович. Так вот оно что! Он не был посторонним в этой истории. Он был главным бухгалтером той самой фабрики! Человеком, через чьи руки проходили все эти квитанции и накладные. Человеком, который видел всю схему изнутри.

У меня закружилась голова от внезапного прозрения. Антиквар, торговавший фарфором и серебром, прежде вёл бухгалтерию огромного завода. И сбежал, когда запахло жареным. Сбежал, прихватив с собой документы — те самые кви-

танции, что теперь лежали у меня в багажнике. Тридцать лет он хранил доказательства преступления Гольцова, мучаясь и не решаясь обнародовать их. Почему? Из страха? Из чувства вины — ведь он сам, как бухгалтер, оформлял эти переводы? Или, может быть, его держали на коротком поводке, шантажируя чем-то?

— Перси, — прошептала я в переноску. — Аркадий Михайлович был бухгалтером этой фабрики. Понимаешь? Он всё знал. Он был свидетелем. Вот почему он передал документы именно мне — другому бухгалтеру. Он знал, что я разберусь в цифрах.

Кот глухо мяукнул и потянулся лапой к раскрытой подшивке, будто хотел перевернуть страницу.

Я и правда перевернула — и наткнулась на фотографию. Качество печати было отвратительным, но я разглядела групповой снимок: несколько человек в строгих костюмах на фоне фабричных корпусов. Подпись гласила: «Руководство фабрики в лучшие годы». В центре стоял дородный мужчина с тяжёлым волевым подбородком — «директор В. С. Гольцов», как сообщала подпись. А рядом, чуть в стороне, я с замиранием сердца узнала знакомые черты — пусть моложе на тридцать лет, без седых бакенбард, но это был, без всякого сомнения, Аркадий Михайлович. «Главбух А. М. Соколов», — подтверждала подпись.

Они стояли плечом к плечу. Директор и его бухгалтер. Сообщники? Или один — преступник, а второй — невольный

свидетель, втянутый в чужую аферу?

Я достала телефон и сфотографировала и статью, и снимок — на всякий случай. Документы документами, а доказательства лишними не бывают.

В этот момент вернулась Зинаида Павловна с двумя чашками чая и блюдцем сушек.

— Ну что, нашла, что искала? — спросила она, ставя угощение на стол.

— Нашла, — кивнула я. — Зинаида Павловна, а вы говорили, что помните эту историю. Расскажите, что было дальше? С этим Гольцовым, с фабрикой?

Старушка тяжело опустилась на стул, который жалобно скрипнул под её весом, и отхлебнула чаю.

— А что было дальше... Ничего хорошего, деточка. Замяли всё. Гольцов этот — он же не один работал, у него покровители были, наверху. Дело возбудили да тут же и закрыли, за недостаточностью улик. Свидетели — кто разъехался, кто... — она многозначительно замолчала и перекрестилась. — Поговаривали, главбух тогдашний мог бы много чего рассказать, документы у него были. Да только пропал он. Все думали — убили, концы в воду. А он, выходит, жив был? — Зинаида Павловна прищурилась, глядя на статью, которую я не успела закрыть.

— Был, — тихо сказала я. — Недавно умер. Своей смертью. Старенький уже был.

— Царствие небесное, — снова перекрестилась библио-

текарша. — Значит, прятался все эти годы. Под чужим именем небось жил. Мудрый был человек, раз уцелел. С такими, как этот Гольцов, шутки плохи. Он, говорят, и сейчас в силе. В большие люди выбился на ворованные-то деньги. Депутатствует где-то, не то в бизнес ударился. Таких как он, Таисочка, голыми руками не возьмёшь.

Её слова отозвались во мне холодком. Гольцов не просто старый аферист. Это влиятельный, богатый и опасный человек, у которого есть связи, деньги и, судя по всему, никаких моральных ограничений. А я — обыкновенный бухгалтер с рыжим котом наперевес — собралась вывести его на чистую воду.

— Зинаида Павловна, — спросила я, — а имя «Аркадий Соколов» вам ни о чём не говорит из недавнего? Антикварная лавка на Покровке?

— Антиквар? — старушка задумалась. — Нет, не припомню. А что, это он и есть?

— Он и есть. Жил совсем рядом, под своим именем, и торговал стариной. Никто и не подумал бы.

— Хитёр, — уважительно покачала головой Зинаида Павловна. — Спрятался у всех на виду. Самое надёжное место.

Я допила чай, поблагодарила добрую женщину и стала собираться. Картина прошлого прояснилась, но вопросов меньше не стало. Что за тайник в подвале фабрики? Что Аркадий Михайлович спрятал «за котлом, в секции Г»? Документы у меня уже были. Значит, там что-то ещё. Что-то на-

столько важное, что старик зашифровал место в пометке на газете, а не написал прямо в письме.

— Зинаида Павловна, последний вопрос, — обернулась я уже в дверях. — Этот журналист, Векшин, который про фабрику писал. Он жив? Где его найти?

Библиотекарша помрачнела.

— Векшин-то? Нет его, деточка. Разбился на машине в том же девяносто шестом, аккурат после второй статьи. Тор-моза, говорят, отказали. — Она снова перекрестилась. — Я ж тебе говорю: с этим делом шутки плохи. Ты бы, Таисочка, поостереглась. Не лезла бы куда не надо.

Но было уже поздно. Я слишком глубоко увязла. И, что важнее, я не могла предать память Аркадия Михайловича — человека, который тридцать лет нёс свой груз и доверил его именно мне.

Выйдя на улицу под морозящий дождь, я устроила Персика обратно на сиденье и завела мотор. Кот смотрел на меня сквозь решётку переноски умными зелёными глазами.

— Всё стало гораздо серьёзнее, рыжий, — сказала я ему. — Гольцов — это тебе не мелкий жулик. Это акула. И журналист, который про него писал, погиб. И свидетели исчезли. А мы с тобой едем прямиком в его прошлое.

Я выехала на дорогу, ведущую к окраине, к заброшенной фабрике. Дождь хлестал всё сильнее, размывая очертания серого города. И где-то на полпути я снова заметила в зеркале заднего вида ту самую тёмную машину — чёрный внедо-

рожник с тонированными стёклами, который, как мне показалось, держался на одном и том же расстоянии уже добрый десяток минут.

Персик в переноске вдруг напрягся, прижал уши и издал низкий, утробный рык, глядя точно назад, в сторону преследователя. Мой рыжий детектор опасности снова почуял неладное. И на этот раз я даже не подумала усомниться в его чутье.

— Вижу, Перси, — процедила я, крепче сжимая руль. — Вижу. Похоже, мы едем не одни.

Глава 4. Забытая фабрика

Чёрный внедорожник висел у меня на хвосте, как репей на собачьем боку. Я свернула направо — он свернул следом. Я притормозила у светофора — он остановился через две машины позади, не приближаясь, но и не отставая. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели и скользили по рулю.

— Спокойно, Тася, спокойно, — пробормотала я себе под нос. — Ты бухгалтер. У тебя голова на месте. Думай.

Бросаться от погони на полной скорости по мокрым улицам я не умела — не Шумахер, чай. Зато умела считать и анализировать. Если Гольцов хотел просто отнять у меня документы, он сделал бы это давно. Значит, пока его люди только следят — выжидают, куда я приведу. А привести я их могла напрямик к тайнику. Этого допустить было нельзя.

— Перси, придумала, — сказала я коту. — Оторвёмся.

Впереди замаячил въезд в большой торговый центр с многоуровневой парковкой. Я резко, без поворотника, вильнула вправо и нырнула в крытый паркинг. Бетонные пролёты, тусклые лампы, лабиринт из колонн и припаркованных машин. Я закрутила по этажам вверх, потом, на третьем уровне, нашла свободное место между здоровенным джипом и фургоном, втиснулась туда и заглушила мотор.

Через минуту мимо, рыча двигателем, медленно проехал

тот самый чёрный внедорожник. Я вжалась в сиденье, схватив переноску с Персиком и прижав её к груди. Кот замер, не издавая ни звука, словно понимал: сейчас от тишины зависит наша свобода. Внедорожник прополз дальше, поднялся на следующий этаж — я слышала, как удаляется его мотор, — и затих где-то наверху.

Я выждала пять долгих минут, потом тихонько выехала задним ходом, спустилась на первый уровень и через противоположный выезд выскользнула на улицу. В зеркале — чисто. Преследователь остался прочёсывать верхние этажи парковки.

— Ну как тебе мой манёвр, рыжий? — выдохнула я, чувствуя, как отпускает напряжение. — А говорят, бухгалтеры скучные.

Персик ответил длинным одобрительным «мяу» и принялся умываться — верный признак того, что напарник доволен.

Дальше я ехала кружным путём, петляя по переулкам, и через полчаса наконец выбралась на окраину. Город здесь сходил на нет — пятиэтажки сменились гаражными кооперативами, потом потянулись пустыри, заросшие бурьяном, ржавые заборы и брошенные строения. Навигатор уверенно вёл меня к точке, помеченной как «промзона». А потом сдался — буркнул «маршрут окончен» и умолк, словно тоже не желал связываться с этим гиблым местом.

И тут я её увидела.

Фабрика имени Розы Люксембург возвышалась над пустырём мрачной громадой из закопчённого красного кирпича. Огромные корпуса с выбитыми окнами таращились на мир чёрными провалами, словно черепа с пустыми глазницами. Высокая труба котельной упиралась в свинцовое небо, накренившись, как Пизанская башня. Ржавые ворота были перекошены и заперты на цепь с амбарным замком, а вдоль покосившегося забора тянулась выцветшая табличка: «Опасная зона. Проход запрещён. Аварийное здание».

— Вот это да, — прошептала я, заглушив мотор у обочины. — Прямо декорации к фильму ужасов.

Дождь немного утих, превратившись в мелкую морось. Я сидела в машине, разглядывая зловещее строение, и впервые по-настоящему засомневалась в своей затее. Одно дело — изучать квитанции в уютной квартире, и совсем другое — лезть в развалины, где можно провалиться сквозь гнилые перекрытия или схлопотать кирпичом по голове.

Персик, однако, сомнений не разделял. Он скрёб лапой решётку переноски и нетерпеливо мяукал, рвался наружу, к фабрике, будто его магнитом туда тянуло.

— Ладно, ладно, идём, — сдалась я. — Но ты держишься рядом и слушаешься меня. Договорились?

Я пристегнула к шлейке кота длинный поводок — давно купила для прогулок, да Персик так ни разу и не соизволил выйти гулять, — выпустила его из переноски, накинула капюшон, прихватила фонарик и сумку. Коробку с документа-

ми я снова заперла в багажнике: тащить её в развалины было слишком рискованно.

Мы двинулись вдоль забора, ища лазейку. Персик трусил рядом на удивление послушно, обнюхивая землю и наострив уши. Вскоре кот потянул меня в сторону — там, за разросшимся кустом бузины, в заборе обнаружилась дыра, отогнутый лист профнастила. Я протиснулась внутрь, придерживая поводок, и оказалась на территории фабрики.

Двор зарос травой в человеческий рост, между бетонных плит пробивались молодые берёзки. Повсюду валялся мусор: ржавые бочки, обломки станков, битый кирпич, какие-то трубы. В воздухе пахло сыростью, гнилью и ржавчиной. Над головой с карканьем кружило вороньё, добавляя пейзажу зловещности.

— Так, нам нужна котельная, — рассуждала я вслух. — «Подвал, секция Г, за котлом». Котёл — значит котельная. Вон та труба, видишь? Туда и пойдём.

Мы направились к приземистому корпусу у подножия наклонной трубы. Дверь котельной была распахнута настежь и висела на одной петле. Внутри царил полумрак, пахло мазутом и плесенью. Я включила фонарик, и луч выхватил из темноты гигантские ржавые котлы, переплетение труб, прожавевшие вентили и манометры с разбитыми стёклами.

— Ну и где тут секция «Г»? — пробормотала я, водя лучом по стенам.

И тут я заметила нечто, от чего сердце ёкнуло. На пыль-

ном полу, среди вековых наслоений грязи, чётко отпечатались следы. Свежие. Несколько пар мужских ботинок. Кто-то побывал здесь совсем недавно — может, час, может, два назад.

Меня прошиб холодный пот. Гольцов. Его люди опередили нас. Пока я плутала по библиотекам и уходила от слежки, они уже добрались сюда. Что, если они нашли тайник? Что, если всё пропало?

Персик тоже учуял чужих. Он застыл, прижав уши, шерсть на загривке встала дыбом, и из горла вырвалось знакомое предупреждающее рычание. Кот смотрел в глубь котельной, туда, куда вели следы.

— Тихо, — шепнула я, гася фонарик. — Кажется, мы тут не одни.

И действительно — откуда-то из глубины здания донеслись звуки. Голоса. Двое мужчин разговаривали приглушённо, по-деловому. Слов было не разобрать, но интонации не сулили ничего хорошего. А потом раздался лязг металла и грубое ругательство — будто кто-то пытался что-то отодрать или сломать.

Я замерла, боясь дышать. Бежать? Спрятаться? Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно на всю фабрику. Я лихорадочно соображала. Если люди Гольцова здесь и ломают что-то в котельной, значит, тайник они ещё не нашли — иначе бы уже ушли. Был шанс. Призрачный, но был.

Я осторожно, на цыпочках, двинулась на голоса, держа

Персика на коротком поводке. Кот ступал бесшумно, как настоящий хищник, и не издавал больше ни звука — понимал, что нужно затаиться. Мы прокрались за ряд котлов и выглянули из-за ржавого бака.

В дальнем углу котельной, освещённые переносным фонарём, возились двое. Один — высокий, в чёрной куртке, с бритым затылком — орудовал ломом, отковыривая от стены лист железа. Второй, пониже и поплотнее, светил ему и нетерпеливо командовал:

— Давай, давай, шевелись. Хозяин ждать не любит. Сказано — за котлом, в секции «Г».

Я похолодела. Они знали то же, что и я. Слово в слово. «За котлом, в секции Г». Откуда? Неужели у них была вторая копия пометки? Или... Меня осенило: возможно, Гольцов сам когда-то знал про этот тайник, но не знал точного места, а пометка Аркадия Михайловича указала ему направление. Хотя нет, не сходится. Откуда им знать про секцию «Г»?

Ответ нашёлся сам собой и был неприятным. Кто-то им сказал. Кто-то, кто видел пометку или знал тайну. Круг подозреваемых снова расширился, и в нём появился невидимый предатель.

Бритый поддел ломом, лист железа со скрежетом отошёл, обнажив тёмную нишу в стене.

— Есть! — выдохнул плотный. — Свети сюда!

Я затаила дыхание. Сейчас. Сейчас они найдут то, ради чего всё затевалось, и я останусь ни с чем. Тридцать лет тай-

ны Аркадия Михайловича уйдут в руки тех самых людей, от которых он их прятал.

Бритый сунул руку в нишу, пошарил там и вытащил... ничего. Ниша была пуста. Он ощупал её ещё раз, посветил внутрь, выругался.

— Пусто! Тут ничего нет!

— Как нет? — плотный оттолкнул напарника и сам заглянул в дыру. — Должно быть! Хозяин сказал — главбух всё здесь спрятал!

— Сам погляди, командир. Голые стены. Видать, кто-то нас опередил. Или старый хрыч соврал перед смертью.

Плотный разразился отборной бранью и в сердцах пнул ногой ржавую бочку, которая с гулким грохотом покатилась по полу. От неожиданности я вздрогнула — и тут случилось страшное. Мой локоть задел стоявший рядом кусок арматуры, и тот со звоном повалился на бетон.

Звук в гулкой пустоте котельной прозвучал как выстрел.

— Кто здесь?! — рявкнул плотный, разворачиваясь и направляя луч фонаря в нашу сторону.

Я метнулась назад, за котёл, прижимая к себе Персика. Сердце готово было выскочить из груди.

— Там кто-то есть! — крикнул бритый. — Я слышал!

Послышались торопливые шаги — двое мужчин двинулись прямо к нашему укрытию. Луч фонаря шарил по котлам, подбираясь всё ближе. Ещё пара секунд — и нас обнаружат. Я лихорадочно озиралась в поисках выхода, но поза-

ди была глухая стена, а единственный путь к двери преграждали приближающиеся преследователи.

И тогда Персик решил всё сам.

Кот вырвал поводок из моих ослабевших от страха пальцев, выскочил из-за котла и с диким, нечеловеческим — вернее, не кошачьим — воем бросился прямо под ноги бандитам. Восемь килограммов рыжей ярости, шипящей, царапающей и орущей благим матом, обрушились на врага.

— А-а-а! Чёрт! Что это?! — заорал бритый, отшатнувшись.

— Кошка! Кошка какая-то бешеная! — вторил ему плотный, отмахиваясь фонарём.

Персик носился вокруг них рыжим вихрем, кидался на ноги, впивался когтями в штанины, оглушительно выл и шипел, создавая полнейший хаос. Бандиты, здоровенные мужики, шарахались от него, как от привидения, размахивали руками и налетали друг на друга в темноте.

— Перси! — ахнула я, но кот уже сделал своё дело.

Воспользовавшись паникой, я выскочила из укрытия и метнулась к выходу. Свистнула коту — тот, словно по команде, отлепился от очередной штанины и рыжей молнией устремился за мной.

— Стой! Уйдёт! — взревел плотный позади.

Но мы уже вылетели из котельной на улицу, под спасительный дождь. Я подхватила Персика на руки и со всех ног припустила через заросший двор к дыре в заборе, не разби-

рая дороги, спотыкаясь о битый кирпич и обломки. За спиной слышались тяжёлый топот и матерная брань — погоня не отставала.

Я протиснулась в дыру, царапая бок об острый край профнастила, добежала до машины, рывком распахнула дверь, забросила Персика на сиденье, и сама нырнула за руль. Ключ! Где ключ?! Трясущимися руками я воткнула его в замок зажигания. Мотор кашлянул раз, другой — и, о чудо, завёлся.

Я вдавила педаль газа в пол. «Форд» рванул с места, разбрызгивая грязь из-под колёс. В зеркале я успела увидеть, как двое мужчин выскочили из дыры в заборе и бессильно махали кулаками нам вслед.

Только отъехав на пару километров и убедившись, что погони нет, я остановилась на обочине и без сил откинулась на спинку сиденья. Руки тряслись, сердце колотилось, дыхание сбивалось. Персик сидел рядом, важный и невозмутимый, и вылизывал растрёпанную шерсть с видом героя, выполнившего боевую задачу.

— Ты... ты меня спас, рыжий, — выдохнула я, дрожащей рукой глядя кота. — Ты настоящий герой. Просто настоящий герой.

Персик милостиво принял ласку и громко замурлыкал.

Когда дыхание выровнялось, я начала соображать трезво. Тайник в котельной пуст. Бандиты Гольцова искали там же, где и я, — значит, кто-то слил им место. Но самое главное — там НИЧЕГО не было. Либо Аркадий Михайлович перепря-

тал содержимое, либо... пометка была ложной. Приманкой. Стариковской хитростью, чтобы пустить преследователей по ложному следу.

— Перси, — медленно произнесла я, осенённая догадкой, — а что, если старик нас всех обманул? И настоящий тайник вовсе не в котельной?

Я достала телефон, чтобы ещё раз взглянуть на сфотографированную пометку. И в этот момент экран засветился — входящий звонок. Незнакомый номер. Но не тот, с которого звонил Гольцов. Другой.

Поколебавшись, я ответила.

— Алло?

— Таисия Петровна? — раздался в трубке надтреснутый старческий голос. — Не бросайте трубку, ради бога. Я друг Аркадия. Старый сторож с фабрики. Он велел вам помочь, если вы появитесь. Я всё видел. Вам грозит опасность. Нам надо встретиться.

Глава 5. Сторож со стажем

— Старый сторож с фабрики? — переспросила я, сжимая телефон так, что побелели пальцы. — Откуда у вас мой номер? И откуда мне знать, что вы не подосланы Гольцовым?

В трубке раздался дребезжащий, добродушный смешок, перешедший в кашель.

— Эх, голубушка, осторожная вы. Это правильно. Аркадий говорил, что вы умница. Номер ваш он мне сам оставил — в конверте, который вы должны были получить, был ещё листочек с моим телефоном, да? «Если что — звони Фёдорову». Не нашли? Он порой путал, что куда кладёт, царствие ему небесное. А что до Гольцова... Если бы я был с ним заодно, девонька, вас бы уже скрутили в котельной. Я ведь видел, как вы туда лезли. И как улепёгывали — тоже видел. Лихо ваш котяра тех бугаёв разогнал. Прямо цирк.

Я невольно улыбнулась. Старик и правда наблюдал за всем со стороны. Значит, он действительно был там, на фабрике. Значит, легенда о стороже, который сторожит руины, была не выдумкой краеведов.

— Хорошо, — решила я. — Где встретимся?

— Тут недалеко есть кафешка при заправке, «У дороги» называется. Через десять минут езды по трассе обратно к городу. Я туда дойду пешком, я тут все тропки знаю. Приходите. Только... — голос его понизился, — приходите одна. И

котяру своего захватите. Аркадий завещал доверять только тому, у кого этот кот на руках. Хитрый был, всё предусмотрел.

Связь оборвалась. Я задумчиво посмотрела на Персика. Кот сидел смиренно и глядел на меня умными глазами, будто всё понимал.

— Ну что, рыжий, едем к таинственному Фёдору? Чует моё сердце, без него нам тайник не отыскать.

Кафе «У дороги» оказалось унылой стекляшкой при бензоколонке — пластиковые столики, запах подгоревшего кофе и пирожков, скучающая продавщица за стойкой. В дальнем углу, у заляпанного окна, сидел сухонький старичок в брезентовой куртке и потёртой кепке. Перед ним стоял стакан чая в подстаканнике — такие я видела только в поездах. Завидев меня с переноской, он привстал и махнул рукой.

— Сюда, сюда, Таисия Петровна!

Я подошла, опустилась на скрипучий стул напротив. Фёдор оказался дедком лет восьмидесяти, с морщинистым обветренным лицом, выцветшими голубыми глазами и пышными седыми усами, пожелтевшими от табака. Руки его, узловатые и тёмные, мелко подрагивали, но взгляд был ясный и цепкий.

— Дай-ка погляжу на кота, — попросил он первым делом.

Я расстегнула переноску, и Персик, против обыкновения, не стал упираться, а сам высунул морду и обнюхал протянутую стариковскую ладонь. А потом — я глазам своим не по-

верила — потёрся об неё щекой и тихонько мурлыкнул.

Глаза Фёдора увлажнились.

— Признал, — прошептал он растроганно. — Признал, шельмец. Это ж Аркашин кот. Ну, то есть котова прабабка у Аркаши жила, на фабрике ещё, мышей ловила. Рыжая была, точь-в-точь. Видать, порода. Аркадий, когда сюда приезжал — а он приезжал, тайком, по ночам, навестить старое место, — всегда о коте своём новом рассказывал. Говорил: «Завёл рыжего, Федя, как в молодости. Душу греет». Так что не сомневайтесь, девонька. Раз кот вас выбрал — значит, вы та самая.

Я заказала себе чай и пирожок, выпустила Персика — кот чинно уселся на соседний стул, как полноправный участник переговоров, — и приготовилась слушать.

— Расскажите мне всё, Фёдор. Кто вы Аркадию Михайловичу? И что вы знаете про фабрику, про Гольцова?

Старик отхлебнул чаю, пожевал губами и начал свой рассказ — неторопливо, обстоятельно, как умеют рассказывать только старики, для которых время уже не имеет прежней цены.

— Я на той фабрике сорок лет оттрубил, голубушка. Слесарем начинал, потом в котельной кочегарил, а под конец, как здоровье сдало, в сторожа определили. Всю жизнь там. И Аркашу знал с молодых лет. Хороший был человек, честный. Душа болела у него за фабрику. А как Гольцов директором стал — тут всё и покатилося под откос.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Гольцов этот — гадюка подколотная. С виду — гладкий, обходительный, речи красивые говорил, про светлое будущее, про рынок. А сам тишком фабрику растаскивал. Деньги выводил через свои конторы поганые. Аркаша как главбух всё видел, всё понимал. Он мне по ночам, бывало, душу изливал — мы с ним чаёк гоняли в моей сторожке. «Федя, — говорит, — он же завод убивает. Людей по миру пускает. А я бумаги подписываю, руки мараю». Мучился страшно.

— Почему же он не пошёл в милицию? — спросила я. — Не рассказал всё?

— А он пошёл! — Фёдор стукнул кулаком по столу так, что подстаканник звякнул. — Пошёл, голубушка, да только Гольцов хитрее оказался. У него везде свои люди были — и в милиции, и в прокуратуре, и повыше. Аркашу самого чуть под суд не подвели — мол, это ты, главбух, воровал, твоя подпись на бумагах. Понимаешь? Перевернули всё с ног на голову. И тогда Аркаша понял: сила солому ломит. Против Гольцова в лоб не попрёшь. Нужны доказательства железные, такие, чтоб никакой покровитель не отмазал. И он стал тихонько собирать. Копии документов, квитанции, накладные — всё, что через него проходило. Прятал.

— В котельной? За котлом, в секции «Г»? — не удержалась я.

Фёдор хитро прищурился и погрозил мне пальцем.

— А вот и нет, голубушка. Это он нарочно такую записочку оставил — на приманку. Знал, что рано или поздно Гольцов до бумаг доберётся, людей пошлёт. Вот пусть и роются в пустой нише, время теряют. Аркаша был не дурак. Он настоящий тайник в другом месте устроил. В таком, куда чужой ни в жизнь не сунется.

Сердце моё забилося чаще. Вот оно! Моя догадка подтверждалась — пометка была ложной. А настоящий клад где-то ещё.

— И где же? — выдохнула я.

Старик понизил голос и наклонился ближе. От него пахло табаком, чаем и старостью.

— В подвале под старым корпусом. Под прядильным цехом. Там был ход — заваленный, заброшенный ещё с войны. Бомбоубежище старое. Аркаша про него от меня узнал, я ж его молодым по всем закоулкам водил. Вот туда он главное и спрятал. И не просто бумаги, девонька. Бумаги — это полдела. Там кое-что поценнее. То, что Гольцов больше всего на свете вернуть хочет.

— Что? — я подалась вперёд.

Но Фёдор вдруг замолчал, насторожился и зыркнул в окно. К заправке подкатила машина — обычная серая легковушка, из неё вышел мужчина в кепке, направился к колонке. Старик чуть расслабился, но рассказ продолжил тише.

— Облигации, — выдохнул он почти беззвучно. — Государственные займовые облигации, старого образца. Голь-

цов через свои махинации скупил их целую гору — на ворованные фабричные деньги. Хотел потом обналичить, состояние сколотить. А Аркаша их перехватил. Выкрал, можно сказать, у вора краденое. И спрятал. Это ж и улика — доказывает, куда фабричные деньги ушли. И ценность — по нынешним временам, говорят, эти бумаги бешеных денег стоят, коллекционеры за ними охотятся. Вот за чем Гольцов гоняется тридцать лет. И за уликами, чтоб в тюрьму не сесть, и за облигациями, чтоб богатство вернуть.

Я откинулась на спинку стула, переваривая услышанное. Картина наконец складывалась целиком, как сложный баланс, где наконец сошлись дебет с кредитом. Аркадий Михайлович — не сообщник, а герой. Тихий, незаметный бухгалтер, который в одиночку решил пойти против системы. Он не сумел посадить Гольцова — не хватило сил, времени, защиты. Но он лишил вора добычи и сохранил доказательства, передав эстафету мне.

— Фёдор, — медленно произнесла я, — а почему Аркадий Михайлович сам не достал эти бумаги? За столько лет? И почему не передал их мне напрямую, а оставил эту записку-приманку и ваш телефон?

Старик горько усмехнулся.

— А боялся, голубушка. Боялся, что за ним следят. Гольцов с него глаз не спускал все эти годы, чуял, что Аркаша где-то улики держит. Стоило старику к фабрике подойти — и всё, тайник раскрыт. Вот он и затаился, жил тихо, антиква-

риатом торговал, виду не подавал. А под конец, когда совсем плохо стало с сердцем, решил: пора. Передать дело надёжному человеку. Тебе. И всё хитро устроил: документы — отдельно, приманку — отдельно, а меня, старого дурака, оставил проводником к настоящему кладу. Чтоб ни один человек целиком всей картины не знал. Кроме него самого.

— Гениально, — прошептала я. — Бухгалтерский ум. Распределить риски.

— Во-во, — закивал Фёдор. — Он так и говорил. «Диверсификация», мудрёное слово. Не клади, мол, все яйца в одну корзину.

Персик на соседнем стуле вдруг встрепенулся, спрыгнул на пол и подошёл к двери кафе. Шерсть на загривке встала дыбом, он глухо заворчал, глядя на улицу. Я насторожилась и проследила за его взглядом.

Серая легковушка по-прежнему стояла у заправки. Но мужчина в кепке давно заправился — а машина не уезжала. И сидел он теперь за рулём, делая вид, что копается в телефоне, а сам нет-нет да и поглядывал в нашу сторону, на окно кафе.

— Фёдор, — тихо сказала я. — Кажется, за нами следят. Серая машина у колонки. Стоит давно, не уезжает.

Старик глянул, и лицо его посерело.

— Эх, выследили-таки. Видать, от самой фабрики за вами хвост шёл, а вы и не заметили. Или меня пасли. Гольцов после сегодняшнего на ушах стоит — вы ж ему всю охоту ис-

портили. — Он засуетился, торопливо допивая чай. — Слушай меня, девонька, внимательно. Времени мало. Тайник в подвале прядильного цеха. Вход — через бывшую душевую, там в полу люк, плитой прикрыт. Плита тяжёлая, но, если поддеть ломом... Бумаги и облигации — в железном ящике, в дальнем углу бомбоубежища, за старым стеллажом. Запомнила?

— Запомнила, — кивнула я, чувствуя, как от волнения и страха пересыхает во рту. — Душевая, люк под плитой, дальний угол, железный ящик за стеллажом.

— Умница. — Фёдор накрыл мою руку своей сухой ладонью. — Только сегодня туда не суйся, выследят. Переждать надо, отсидеться. А лучше — сразу в полицию беги, да не в нашу районную, там Гольцов всех купил, а повыше, в город, в управление. С документами, что у тебя есть. И про подвал расскажи, пусть с обыском едут.

— А вы? — забеспокоилась я. — Вам же тоже опасно. Гольцов поймёт, что вы мне всё рассказали.

Старик махнул рукой и усмехнулся в усы.

— За меня не бойсь, голубушка. Я своё пожил. Да и хитрый я, как Аркаша. Меня в этих развалинах сам чёрт не сыщет — все ходы-выходы знаю. А вот ты береги себя. И кота береги. — Он потрепал Персика по рыжей голове. — Знатный зверь. Аркаша бы порадовался.

Серая машина за окном вдруг ожила — фары моргнули, мотор заурчал. Мужчина в кепке отложил телефон и при-

стально смотрел на дверь кафе. Он явно ждал, когда мы выйдем.

— Так, — Фёдор поднялся, кряхтя. — Уходи через чёрный ход, через кухню. Я договорюсь с буфетчицей, она баба своя. А я выйду через парадное, отвлеку их на себя — пусть за стариком гоняются. Ты тем временем к машине — и газу. Поняла?

— Фёдор, я не могу вас так бросить...

— Цыц! — прикрикнул он неожиданно строго. — Делай, что велю. Аркаша тебе дело доверил, а не мне. Я своё отжил, а ты молодая, тебе ещё справедливость восстанавливать. Иди!

Он подтолкнул меня к стойке, перекинулся парой слов с дородной буфетчицей — та понимающе кивнула и махнула рукой в сторону кухни. Я схватила Персика, сунула его в переноску и, не оглядываясь, нырнула в заднюю дверь.

Через тёмную, пропахшую жареным луком кухню, мимо удивлённого повара, я выскочила на задворки заправки. Сердце колотилось как бешеное. Обогнув здание, я увидела свой «Форд» — и серую машину неподалёку. Мужчина в кепке как раз выходил из неё, направляясь к парадному входу кафе, навстречу неторопливо шаркающему Фёдору.

Старик играл свою роль мастерски — шёл медленно, опираясь на палку, что-то бормотал себе под нос. Преследователь клюнул: двинулся к нему, спрашивая о чём-то. Фёдор остановился, приложил ладонь к уху — мол, не слышу, го-

вори громче, — и завёл с ним какой-то бесконечный стариковский разговор, заслонив собой и отвлекая.

Я воспользовалась моментом. Пригнувшись, перебежала к машине, тихо открыла дверь, поставила переноску, скользнула за руль. Ключ повернулся, мотор завёлся почти бесшумно. Я выехала со стоянки задним ходом, без фар, и только выбравшись на трассу, вдавила газ.

В зеркале заднего вида я успела увидеть, как преследователь наконец сообразил, что его провели, оттолкнул старика и бросился к своей машине. Но было поздно — между нами уже легли добрые полкилометра.

— Прощай, Фёдор, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Спасибо тебе. И прости.

Персик в переноске тихо мяукнул, словно прощаясь со стариком вместе со мной.

Я гнала по трассе к городу, лихорадочно соображая. Теперь я знала всё: где тайник, что в нём, и за чем охотится Гольцов. Облигации и документы в подвале прядильного цеха, под плитой в душевой, в железном ящике за стеллажом. Совет Фёдора был мудр — ехать в городское управление полиции, к тем, кого не купил Гольцов. Но что-то меня грызло.

Если люди Гольцова знают, что в котельной пусто, они не остановятся. Они перевернут всю фабрику и рано или поздно доберутся до настоящего тайника. А пока я буду обивать пороги полиции, доказывать, объяснять, ждать, когда оформят бумаги на обыск, — улики могут исчезнуть на-

всегда. Тридцатилетний труд Аркадия Михайловича пойдёт прахом.

— Нет, — сказала я вслух, сжимая руль. — Так не пойдёт. Сначала надо забрать ящик. Опередить их. А уже потом — в полицию, с доказательствами в руках.

Это было рискованно. Безумно рискованно. Но я была бухгалтером, а бухгалтеры знают: иногда, чтобы свести баланс, нужно действовать решительно и быстро, пока цифры не разбежались.

Персик в переноске одобрительно заурчал. Похоже, мой рыжий напарник был полностью согласен.

Глава 6. Кот находит ход

Возвращаться на фабрику среди бела дня, когда там рыщут люди Гольцова, было чистым самоубийством. Это понимала даже я — человек, которого азарт уже захватил с головой. Поэтому я приняла половинчатое, но разумное решение: переждать до темноты. Бандиты не станут торчать в развалинах вечно. Обыскав котельную и не найдя ничего, они рано или поздно уберутся восвояси — доложить хозяину о неудаче. Вот тогда, под покровом ночи, мы с Персиком и поберёмся к настоящему тайнику.

Я заехала в неприметную придорожную гостиницу на окраине — из тех, где не спрашивают документов и не задают лишних вопросов. Сняла комнатку на несколько часов, заплатив наличными. Персика пронесла под курткой. Номер был убогий — продавленная кровать, желтоватые обои, запах сырости, — но мне нужно было лишь место, где можно отсидеться, собраться с мыслями и дожидаться ночи.

Я разложила на колченогом столе всё, что у меня было. Письмо Аркадия Михайловича. Фотографии статей с телефона. И мысленно — инструкцию Фёдора. Душевая, люк под плитой, дальний угол, железный ящик за стеллажом. Я проговаривала это снова и снова, как таблицу умножения, чтобы не сбиться в темноте.

Персик тем временем обследовал номер, обнюхал все уг-

лы, забраковал кровать и устроился на подоконнике — сторожить, как всегда. Я смотрела на него и думала: что бы я делала без этого рыжего наглеца? Дважды за день он спасал нас от верной беды. Аркадий Михайлович знал, что говорил. Животные и впрямь чувствуют то, что недоступно человеку.

— Ну что, напарник, — сказала я, открывая банку кошачьего корма, припасённую в сумке. — Подкрепимся и будем ждать ночи. Дело предстоит серьёзное.

Стемнело рано — осенью день короткий. К девяти вечера за окном сгустилась чернильная тьма, дождь наконец прекратился, но небо затянули тяжёлые тучи, спрятавшие луну и звёзды. Лучшей погоды для тайной вылазки и придумать было нельзя.

Я переоделась во всё тёмное, проверила фонарик — батарейки держались бодро, — прихватила из багажника монтировку, которая, по счастью, завалялась там ещё с прошлой зимы. Сгодится вместо лома, чтобы поддеть плиту. Персика снова взяла с собой — оставлять его в чужой гостинице было немыслимо, да и его чутьё могло спасти нас в любой момент.

К фабрике я подъехала с другой стороны, не там, где днём, и оставила машину подальше, в тени гаражей, чтобы не бросалась в глаза. Дальше — пешком, через пустырь, по мокрой траве, хлюпая ботинками по лужам. Чёрная громада фабрики выросла впереди, ещё более зловещая в темноте, чем днём. Ни огонька, ни звука. Бандиты, похоже, действительно убрались.

Мы пробрались через знакомую дыру в заборе. Я выпустила Персика на поводок, и кот сразу деловито потрусил вперёд, будто знал дорогу. А он, кажется, и впрямь знал — или чуял. Вёл меня не к котельной, а к самому большому корпусу — длинному, мрачному зданию с рядами выбитых окон. Прядильный цех. Я узнала его по описанию Фёдора.

Главный вход был завален обрушившимися балками и грудой кирпича — не пройти. Я обошла здание по периметру, светя фонариком и ища лазейку. Окна были слишком высоко, да и забраться в них с монтировкой и котом было нереально. Боковая дверь оказалась заперта на ржавый засов, который не поддавался. Я начала отчаиваться.

— Перси, как же нам попасть внутрь? — прошептала я, присев на корточки рядом с котом.

И тут Персик повёл себя странно. Он напрягся, прижался к земле и устремился вдоль стены, натягивая поводок. Я едва поспевала за ним. Кот привёл меня к углу здания, где у самого фундамента темнела узкая щель — пролом в кирпичной кладке, не больше кошачьего лаза. Когда-то здесь, видимо, был вентиляционный продух или вывод трубы. Персик сунул туда морду, обнюхал, потом решительно протиснулся в щель и исчез в темноте.

— Перси! — ахнула я, дёрнув поводок. — Куда?! Вернись!

Поводок натянулся, потом провис — кот отстегнул карабин, зацепившись за что-то, или просто выскользнул из

шлейки. В щель пролезла бы кошка, но никак не взрослая женщина. Я в панике посветила фонариком в пролом, но увидела лишь темноту да обвалившиеся кирпичи.

— Персик, рыжая твоя морда, немедленно вернись! — зашипела я в дыру, не смея кричать громко.

Изнутри донеслось приглушённое «мяу», потом ещё одно — будто кот звал меня за собой. А следом раздался звук, от которого у меня перехватило дыхание: глухой металлический скрежет, потом грохот, шорох осыпающегося мусора. Что он там натворил?

— Перси! — я готова была разрыдаться от страха за кота и собственной беспомощности.

И вдруг совсем рядом, в паре метров от щели, что-то скрипнуло и подалось. Я метнулась туда с фонариком и увидела: низкая дверца, прежде заваленная изнутри хламом и оттого казавшаяся наглухо запертой, теперь приоткрылась. В образовавшуюся щель высунулась довольная рыжая морда. Персик мяукнул и поскрёб лапой по двери, явно гордясь собой.

Я не поверила своим глазам. Кот пробрался внутрь через лаз, а там, видимо, толкнул подпиравшую дверь рухлядь — какой-то ящик или доску, — и дверца открылась. Восемь килограммов рыжей смекалки сделали то, чего я не смогла добиться монтировкой.

— Ах ты гений, — выдохнула я, налегая на дверь плечом. Та поддалась со скрипом, осыпая меня трухой и пылью,

и распахнулась достаточно широко, чтобы я могла протиснуться внутрь. — Ну ты и кот. Цены тебе нет!

Я подхватила Персика на руки, чмокнула в макушку — кот возмущённо фыркнул, не одобряя телячьих нежностей в боевой обстановке, — и шагнула в темноту цеха.

Внутри было жутко. Луч фонарика выхватывал из мрака остовы прядильных машин — ржавые, оплетённые паутиной чудовища, застывшие навеки. С потолка свисали ключья то ли старой изоляции, то ли паутины. Под ногами хрустело битое стекло, шуршал мусор. Где-то в углах попискивали и шуршали крысы — Персик наострил уши, но с рук не прыгнул, понимая, что сейчас не до охоты. Воздух был спёртый, пропитанный пылью и тленом.

— Так, нам нужна душевая, — прошептала я, осторожно пробираясь между станками. — Где тут могла быть душевая?

Логика подсказывала: бытовые помещения обычно располагались с краю цеха, ближе к выходу или к торцу здания. Я двинулась вдоль стены, светя по сторонам, читая полустёртые таблички на дверях. «Кладовая». «Мастерская». «Раздевалка». И, наконец, на одной из дверей — выцветшая табличка с облупившейся краской: «Душевая».

Сердце заколотилось. Я толкнула дверь — она нехотя отворилась. Внутри, в свете фонаря, открылось унылое помещение, выложенное растрескавшейся кафельной плиткой, когда-то белой, а теперь серо-жёлтой от грязи и плесени.

Ржавые лейки душа торчали из стен, как высохшие стебли. Пол был покрыт всё той же плиткой — местами выщербленной, местами вздыбившейся.

— Люк под плитой, — пробормотала я, водя лучом по полу. — Где же ты?

Я опустилась на колени и принялась простукивать пол рукояткой монтировки, прислушиваясь к звуку. Большая часть пола отзывалась глухо — под ним был грунт. Но в дальнем углу, у стены, плитка вдруг отозвалась гулкой пустотой. Я замерла. Под этим участком была полость.

Приглядевшись, я различила в полу очертания — большая бетонная плита, примерно метр на метр, чуть отличающаяся по цвету от окружающей кладки. Её края были замазаны цементом, но кое-где раствор раскрошился. Это был он. Люк.

— Перси, нашли! — выдохнула я, и кот возбуждённо мяукнул, заглядывая через моё плечо.

Я вставила монтировку в щель у края плиты и налегла всем весом. Плита не шелохнулась — тяжеленая, да ещё схваченная цементом. Я выругалась сквозь зубы, перехватила монтировку поудобнее и попробовала снова, упираясь ногами в стену. Пот заливал глаза, руки дрожали от напряжения, но плита поддавалась с трудом — миллиметр за миллиметром.

— Ну давай же, проклятая, — кряхтела я, налегая изо всех сил. — Тридцать лет тебя никто не трогал, а тут пришла

бухгалтерша и хочет открыть. Не упрямясь!

Наконец цемент с треском раскрошился, и край плиты приподнялся. Я подсунула под него обломок кирпича, чтобы зафиксировать, перехватила и нажала снова. Плита со скрежетом сдвинулась, открывая чёрный квадратный провал, дохнувший на меня холодом, сыростью и затхлостью подземелья.

Я посветила вниз. Луч выхватил ржавую металлическую лестницу, уходящую в темноту, и бетонный пол метрах в трёх внизу. Бомбоубежище. То самое, о котором говорил Фёдор. Вход в подземный тайник Аркадия Михайловича.

— Вот оно, Перси, — прошептала я с трепетом. — Тридцать лет тайны. Прямо под нами.

И в этот самый момент за моей спиной, в глубине цеха, раздался звук, от которого кровь застыла в жилах. Шаги. Тяжёлые мужские шаги, хрустящие битым стеклом. И голос — насмешливый, холодный, до боли знакомый по телефонному разговору:

— Какая трудолюбивая девочка. Сама нашла то, что мои олухи искали целый день. Спасибо, Таисия Петровна. Вы сэкономили мне массу времени.

Я резко обернулась, направив фонарик на голос. В дверях душевой стоял мужчина. Высокий, грузный, в дорогом пальто, совершенно неуместном среди этих руин. Лицо — то самое, что я видела на старой фотографии в библиотеке, только постаревшее на тридцать лет: тяжёлый волевой под-

бородок, холодные водянистые глаза, седые виски. Гольцов. Виктор Степанович собственной персоной. А за его спиной маячили две знакомые фигуры — бритый и плотный, те самые бандиты из котельной.

— Не ожидали? — Гольцов шагнул внутрь, и его люди последовали за ним, отрезая мне путь к отступлению. — А зря. Вы думали, мои ребята ушли? Они просто отъехали и стали ждать. Я был уверен, что вы вернётесь, как только всё стихнет. Жадность и любопытство — страшная сила, особенно в сочетании с глупой принципиальностью. Вы оказались предсказуемы, голубушка.

Персик на моих руках зашипел, выгнув спину, и шерсть его встала дыбом. Но Гольцов лишь презрительно усмехнулся, глядя на кота.

— А, тот самый знаменитый кот. Что, опять кинешься царапаться? Не выйдет. — Он кивнул бритому, и тот достал из-за пояса пистолет, направив его на нас. — Видишь, кот, теперь у нас другие аргументы.

Я прижала Персика к груди, лихорадочно соображая. Позади — открытый люк и трёхметровая яма. Впереди — Гольцов с двумя вооружёнными головорезами. Ловушка захлопнулась. И, что хуже всего, я сама привела их к тайнику — сделала за них всю работу.

— Ну что ж, — Гольцов потёр руки и шагнул к люку, заглядывая в чёрный провал с алчным блеском в глазах. — Тридцать лет я ждал этой минуты. Тридцать лет этот трус

Соколов прятал от меня моё добро. И вот наконец справедливость восторжествует. Спускайтесь, Таисия Петровна. Вы первая. Полезайте вниз и подавайте мне ящик. А вздумаете финтить — пеняйте на себя. И на вашего блохастого помощника тоже.

Глава 7. Подвал с секретом

Дуло пистолета смотрело мне в грудь чёрным немигающим глазом. Бежать было некуда. Позади — провал в подземелье, впереди — трое мужчин, один из которых вооружён. Я лихорадочно перебирала варианты, как перебирала бы статьи в годовом отчёте, ища лазейку в безнадёжно сошедшемся не в мою пользу балансе.

— Чего застыли? — рявкнул Гольцов. — Лезьте вниз. Кота можете оставить наверху, мне он без надобности. А ещё лучше — пусть Сёма его придержит, чтоб не путался под ногами.

Бритый Сёма шагнул ко мне, протягивая лапищу к Персику. И вот тут я совершила то, чего от меня никто не ожидал — и я сама в первую очередь. Вместо того чтобы покорно отдать кота, я с размаху швырнула ему прямо в лицо бандиту своего рыжего бойца.

— Перси, фас!

Восемь килограммов шипящей, царапающейся ярости обрушились на бритую физиономию. Сёма заорал благим матом, выронил пистолет — тот со стуком отлетел в темноту — и вслепую замахал руками, пытаясь содрать с себя осатавшего зверя. Персик вцепился ему в лицо всеми четырьмя лапами, орудуя когтями, как заправский мясник.

Воспользовавшись секундным замешательством, я сдела-

ла единственное, что могла. Метнулась не от люка, а к нему — и нырнула в чёрный провал, цепляясь за ржавую лестницу. Лучше сломать ногу в подzemелье, чем стоять под прицелом.

— Стой! Куда?! — взревел Гольцов. — Держи её!

Я съехала по лестнице, обдирая ладони, и спрыгнула на бетонный пол бомбоубежища. Фонарик чудом удержала в руке. Луч заметался по низкому сводчатому помещению — голые стены, ржавые трубы под потолком, какие-то полу-сгнившие деревянные стеллажи вдоль стен. Дальний угол. Железный ящик за стеллажом. Слова Фёдора стучали в висках.

Наверху творилось светопреставление. Сёма выл, плотный матерился, Гольцов отдавал команды. Персик, сделав своё дело, по моим расчётам, должен был уже спастись бегством — кот не дурак, чтобы геройствовать до конца. Дай-то бог.

Я бросилась в дальний угол, светя перед собой. Стеллаж — вот он, покосившийся, затянутый паутиной. Я обогнула его, посветила за него — и сердце ёкнуло. Там, в нише стены, прикрытый куском брезента, стоял он. Железный ящик. Армейский, защитного цвета, с навесным замком и ручками по бокам. Покрытый ржавчиной, но целый.

— Нашла, Аркадий Михайлович, — выдохнула я. — Нашла.

Но радоваться было рано. По лестнице уже грохотали бо-

тинки — кто-то спускался следом. Я обернулась. В круге света фонаря показались ноги, потом грузное тело Гольцова. Он спускался сам, тяжело дыша, держа в руке тот самый, оброченный Сёмой, пистолет.

— Никуда ты не денешься, девка, — прохрипел он, прыгивая на пол. — Это подвал. Один выход. И он за моей спиной.

Он был прав. Я оказалась в ловушке — в каменном мешке, наедине с вооружённым преступником. Бухгалтерская логика подсказывала: силой не возьмёшь. Значит, нужно брать тем, что у меня есть, — головой и словами. Тянуть время. Заговаривать зубы. Авось что-нибудь да подвернётся.

— Зачем вам это, Виктор Степанович? — спросила я как можно спокойнее, прижимаясь спиной к стеллажу и пряча ящик за собой. — Вы и так богаты. У вас власть, связи. Зачем гоняться за бумагами тридцатилетней давности? Из-за денег? Облигации того не стоят, чтобы из-за них убивать.

Гольцов хохотнул, и смех его гулко отдался под сводами.

— А ты и правда умница. Знаешь про облигации. Федька-сторож разболтал, больше некому. Ну ничего, с ним я ещё разберусь. — Он поднял пистолет, целясь мне в голову. — Дело не в деньгах, дура. Точнее, не только в них. В этом ящике — моя голова. Понимаешь? Доказательства. Соколов, паскуда, всё задокументировал. Каждую копейку, каждую подпись. Если эти бумаги всплывут — мне конец. Я не для того тридцать лет лез наверх, строил репутацию, чтобы

какая-то бухгалтерша с котом меня уронила. Отойди от ящика.

Я не двинулась с места. Мозг работал лихорадочно, просчитывая варианты, как столбцы в смете.

— А если я скажу, что бумаги уже не только здесь? — выпалила я. — Что я сфотографировала ключевые документы и отправила их в облако? И знакомому журналисту? И в управление полиции? Вы убьёте меня — а файлы всё равно всплывут. Только тогда добавится ещё и моё убийство.

Это был блеф чистой воды — ничего я никуда не отправляла, не успела. Но Гольцов на секунду заколебался. Дуло пистолета дрогнуло.

— Врёшь, — процедил он, но уже не так уверенно.

— Проверьте, — пожала я плечами, изо всех сил стараясь, чтобы голос не выдал колотящегося сердца. — Вы же деловой человек. Умеете считать риски. Один мёртвый бухгалтер — это статья. А мёртвый бухгалтер плюс опубликованные документы — это пожизненное. Стоит ли игра свеч?

Гольцов молчал, играя желваками. Я видела, как в его голове крутятся те же расчёты, что и в моей, — только с другими исходными. И в этой паузе, в этой драгоценной выигранной секунде, сверху вдруг раздался шум. Не топот бандитов — другой. Множественный, нарастающий. Голоса. Много голосов. И — я не поверила своим ушам — резкое, усиленное мегафоном:

— Полиция! Здание окружено! Всем оставаться на ме-

стах!

Лицо Гольцова перекосилось. Он вскинул голову к люку, на миг забыв обо мне.

— Что за чёрт?!

Этого мига мне хватило. Я схватила с покосившегося стеллажа первое, что попало под руку, — тяжёлую ржавую железяку, похожую на обломок трубы, — и запустила её прямо в фонарь, который Гольцов поставил на пол. Стекло брызнуло, свет погас. Подвал погрузился во тьму — я успела вырубить и свой фонарик.

Грянул выстрел. Пуля с визгом ушла в стену, выбив искры и каменную крошку. Но я уже метнулась в сторону, прижимаясь к холодной стене, бесшумно, как учил меня — сам того, не зная — мой рыжий кот. В темноте я ориентировалась не хуже Гольцова: я-то помнила расположение подвала, а он — нет.

— Где ты?! — рычал он, паля наугад. Ещё выстрел, ещё. Пули рикошетили от стен, и я молилась, чтобы ни одна не нашла меня в этой крошечной тьме. — Я тебя всё равно достану!

Сверху уже спускались люди — лучи мощных фонарей резали темноту, заметались по подвалу.

— Бросить оружие! Полиция!

Гольцов, ослеплённый, развернулся на свет и вскинул пистолет. Но выстрелить не успел. Грянуло сразу несколько хлопков, и грузное тело директора с глухим стуком осело

на бетонный пол. Я зажмурилась и сползла по стене, обхватив руками колени. Всё кончилось. Так быстро и так оглушительно, что я не сразу поверила.

— Женщина! Вы живы? Отзовитесь! — крикнули сверху.

— Жива, — просипела я, поднимаясь на ватных ногах. — Жива. Я здесь. Не стреляйте.

Меня окружили люди в форме и бронежилетах. Кто-то набросил мне на плечи куртку, кто-то поддержал под локоть, помогая подняться по лестнице. Я цеплялась за ржавые перекладины и думала только об одном: где Персик? Что с котом?

Наверху, в прядильном цехе, было светло как днём — повсюду фонари, мигалки за выбитыми окнами, люди. Бритый Сёма и плотный сидели на полу в наручниках, понурые и помятые. У Сёмы вся физиономия была расплоскована глубокими царапинами — память о встрече с Персиком.

— Кот! — крикнула я, озираясь. — Где мой кот? Рыжий, большой! Перси!

И тут из темноты, из-за станков, вышел — кто бы вы думали? — старый Фёдор. Живой и невредимый, в своей брезентовой куртке и кепке. А на руках у него восседал Персик — встрёпанный, перепачканный, но абсолютно довольный собой.

— Жив твой герой, голубушка, — улыбнулся старик в усы. — Ко мне прибежал, как из подвала свистопляска началась. Я тут, в кустах за забором сидел, полицию дожидался.

А кот ваш — умница, напрямик ко мне кинулся, будто знал, где я прячусь.

— Фёдор! — я бросилась к нему, едва не плача от облегчения. — Вы живы! А я думала... А полиция... Откуда?

Старик хитро прищурился.

— А это я их вызвал, девонька. Как ты от заправки умо-
тала, я тому хмырю в кепке ещё минут десять зубы загова-
ривал, а потом, когда он за тобой рванул, сразу в управление
и позвонил. Не в районное — в городское, как и тебе сове-
товал. У меня там знакомец есть, честный мужик, я ему ещё
в девяностых про Гольцова рассказывал, да тогда хода делу
не дали. А нынче, вишь, выслушали. Я им и про фабрику, и
про подвал, и про тебя всё сказал. Думал, не успеют. А они
— успели. — Он перекрестился. — Слава богу, успели.

Я приняла Персика из его рук, прижала к себе мокрого,
грязного, бесценного кота. Тот возмущённо мявкнул — мол,
поаккуратнее с героем, — но тут же замурлыкал, потёршись
мордой о мою щёку.

— Спасибо, рыжий, — прошептала я ему в ухо. — Ты
опять всех спас. И царапины эти на физиономии Сёмы —
твоих лап дело.

Ко мне подошёл мужчина в штатском — немолодой, с
усталым умным лицом и цепким взглядом. Представился:
подполковник Дегтярёв, из городского управления.

— Таисия Петровна? Вы целы? Ранены?

— Цела, — кивнула я. — Только трясёт всю.

— Это пройдёт, — он чуть улыбнулся. — Адреналин. Гольцов мёртв — он открыл огонь по сотрудникам, пришлось стрелять на поражение. Его люди задержаны. А теперь главное — вы говорили про какой-то ящик. Документы. Это правда?

— Правда, — я кивнула на люк. — Там, внизу, в дальнем углу за стеллажом. Железный армейский ящик. В нём — всё. Доказательства махинаций Гольцова на фабрике. И облигации, которые он скупил на ворованные деньги. Аркадий Соколов, бывший главбух, собирал это тридцать лет. И спрятал. А перед смертью передал дело мне.

Дегтярёв распорядился, и двое сотрудников спустились в подвал. Через несколько минут они подняли наверх тот самый ящик — тяжёлый, ржавый, хранивший тайну три десятилетия. Под взглядами полицейских замок сбили. Я затаила дыхание, когда крышка со скрипом откинулась.

Внутри, аккуратно завёрнутые в промасленную бумагу и клеёнку, лежали папки. Десятки папок. Я склонилась над ними, и бухгалтерское сердце моё забилося чаще. Подлинники платёжных поручений. Договоры с подставными фирмами. Двойная бухгалтерия — настоящая и фальшивая, для проверяющих. Переписка. И — отдельно, в плотном холщовом мешочке — пачки старинных облигаций, перевязанные бечёвкой. Те самые.

А поверх всего лежал ещё один конверт. С до боли знакомым каллиграфическим почерком: «Тому, кто найдёт. Это

правда о фабрике имени Розы Люксембург».

— Аркадий Михайлович, — прошептала я, и слёзы всё-таки навернулись на глаза. — Вы всё предусмотрели. До последней мелочи.

Дегтярёв осторожно перебирал документы, и лицо его становилось всё серьёзнее.

— Это... это бомба, — пробормотал он. — Тут материала на десяток уголовных дел. И не только на Гольцова — на всю его крышу, на покровителей. Тридцать лет дело висело глухарём, а тут... — Он поднял на меня уважительный взгляд. — Вы хоть понимаете, Таисия Петровна, что вы сделали? Какой узел распутали?

— Не я, — покачала я головой, поглаживая мурлычущего Персика. — Аркадий Соколов. Он всю жизнь нёс этот груз. А я только довела дело до конца. Как он и просил.

Фёдор подошёл, тяжело опираясь на палку, заглянул в ящик. Старческие глаза его влажно блеснули.

— Дождался, Аркаша, — тихо сказал он, будто обращаясь к покойному другу. — Тридцать лет ждал — и дождался. Правда наружу вышла. Не зря ты мучился, не зря прятался. Вот она, голубушка, твоя справедливость. — Он смахнул слезу заскорузлым пальцем и потрепал Персика по голове. — И кот твой не подвёл. Породистый. Аркашиной школы.

Я стояла посреди разгромленного цеха, в свете полицейских фонарей, с котом на руках, и чувствовала, как отпускает, отступает чудовищное напряжение последних дней.

Всё кончилось. Гольцова больше нет. Документы — в руках честных людей. Тайна, мучившая старого антиквара три десятилетия, наконец раскрыта.

Но что-то всё же не давало мне покоя — крохотная заноза, которую бухгалтерская голова не могла оставить без внимания. Я вспомнила слова, услышанные в котельной днём. «Сказано — за котлом, в секции Г». Бандиты знали про ложный тайник. Знали точное место — секцию «Г». Откуда? Пометку на газете видела только я. Аркадий Михайлович её зашифровал, чтобы пустить Гольцова по ложному следу. Но Гольцов узнал про секцию «Г» каким-то другим путём.

Кто-то ему сказал. Кто-то, кто знал больше, чем должен был. Кто-то, кто был связан и с Аркадием Михайловичем, и с Гольцовым.

— Подполковник, — медленно произнесла я, и Дегтярёв обернулся. — Гольцов мёртв. Но дело, кажется, ещё не закрыто. Я не понимаю одной вещи. Откуда люди Гольцова узнали про ложный тайник в котельной? Про «секцию Г»? Эту подсказку Аркадий Соколов оставил только в одном месте — в коробке, которую завещал лично мне. Никто другой её не видел. Значит...

— Значит, был кто-то ещё, — нахмурился Дегтярёв. — Кто-то, кто имел доступ к наследству. Или к самому Соколову.

— Курьер, — пробормотала я. — Или нотариус, оформлявший завещание. Кто-то из них сливал информацию Голь-

цову. Иначе откуда тот узнал про коробку через день после её получения? И про содержимое?

Подполковник переглянулся со мной, и в глазах его зажёгся профессиональный интерес.

— А вы и впрямь бухгалтер до мозга костей, — усмехнулся он. — Дебет с кредитом не сходится — и вы не успокоитесь, пока не найдёте ошибку. Что ж, Таисия Петровна. Гольцова мы взяли. Но если у него был информатор — мы его вычислим. И, кажется, без вашей светлой головы тут не обойтись.

Персик на моих руках вдруг встрепенулся, наострил уши и уставился куда-то в сторону — туда, где у выхода из цеха толпились зеваки и подъехавшие на шум люди. Шерсть на загривке кота медленно поднялась дыбом, и из горла вырвалось знакомое, тихое предупреждающее рычание.

Я проследила за его взглядом — и сердце снова тревожно ёкнуло. Мой рыжий детектор опасности учуял кого-то в толпе. Кого-то, кто не должен был там находиться. Расследование, похоже, было ещё далеко не закончено.

Глава 8. Конкуренты из прошлого

Персик не ошибался никогда. За эти безумные дни я усвоила это твёрже, чем таблицу умножения. И потому, проследив за его взглядом, я вгляделась в толпу зевак у выхода из цеха особенно пристально.

Среди любопытствующих, оттеснённых полицейским оцеплением, стоял мужчина, который выделялся, как клякса в идеально сведённом балансе. Все вокруг глазели на мигалки, переговаривались, тянули шеи. А он — нет. Он смотрел не на полицию, не на задержанных бандитов. Он смотрел на ящик. На тот самый ржавый армейский ящик, что вытащили из подвала. Смотрел жадно, неотрывно, с такой алчностью, что мне стало не по себе.

Лет сорока пяти, в дорогом, но безвкусном кожаном пальто, с гладко зачёсанными назад тёмными волосами и тяжёлым перстнем на пальце. Лицо холёное, но какое-то хищное, с тонкими губами и бегающими глазами.

— Подполковник, — тихо сказала я Дегтярёву, не отрывая взгляда от незнакомца. — Видите того типа в кожаном пальто? У выхода. Мой кот на него рычит. А кот, поверьте, плохого человека за версту чувствует. И смотрите, как он на ящик пялится.

Дегтярёв проследил за моим взглядом и чуть прищурился.

— Интересно. Откуда он вообще тут взялся? Место оцеплено, посторонних не пускают. — Он подозвал сержанта. — Тот, в пальто. Пригласи-ка его сюда. Вежливо.

Но незнакомец, заметив, что на него обратили внимание, сделал то, чего делать не следовало, — попытался боком отступить и раствориться в толпе. Это его и выдало с головой. Честному человеку прятаться незачем.

— Стоять! — рявкнул сержант, и двое полицейских в момент перекрыли беглецу путь.

Через минуту мужчину, упирающегося и возмущающегося, подвели к нам.

— Что за произвол?! — кипятился он, и в голосе его звучали капризные нотки человека, привыкшего, что ему всё дозволено. — Я законопослушный гражданин! По какому праву меня хватают?

— Документики предъявите, — спокойно попросил Дегтярёв.

Поморщившись, мужчина вытащил паспорт. Подполковник раскрыл его, прочёл и поднял брови.

— Гольцов. Артём Викторович. — Он перевёл взгляд на задержанного. — Кем вы приходитесь Виктору Степановичу Гольцову?

— Сын, — буркнул тот. — А что, нельзя?

Я обомлела. Сын Гольцова. Так вот кого учуял Персик — кровь от крови, плоть от плоти того самого упыря, что тридцать лет терроризировал Аркадия Михайловича.

— А что вы здесь делаете в три часа ночи, Артём Викторович? — продолжал Дегтярёв вкрадчиво. — Откуда узнали про операцию? И почему так интересуетесь вон тем ящиком?

Артём Гольцов на секунду стушевался, но быстро взял себя в руки и нагло вздёрнул подбородок.

— Мне отец позвонил. Сказал, едет на старую фабрику, забрать наконец то, что ему принадлежит. Велел подъехать — помочь. Я приехал, а тут — это всё. — Он мотнул головой в сторону мигалок. — И, кстати, насчёт ящика. Раз уж мой отец, как я понимаю, погиб, — он произнёс это без тени скорби, скорее с раздражением, — то всё его имущество переходит ко мне. По наследству. Включая содержимое этого ящика. Так что попрошу вернуть мою законную собственность.

Меня передёрнуло от такой наглости. Я не выдержала и шагнула вперёд.

— Вашу собственность? Да в этом ящике — доказательства того, как ваш отец разорил целую фабрику, пустил по миру сотни людей, украл миллионы! И ещё облигации, скупленные на ворованные деньги! Это не наследство, это улики! И краденое!

Артём смерил меня презрительным взглядом, будто только сейчас заметил.

— А вы, собственно, кто такая? Та самая бухгалтерша с кошкой, из-за которой весь сыр-бор? — Он скривился. —

Послушайте, милочка. Что там было тридцать лет назад — меня не касается. Я тогда под стол пешком ходил. А облигации — это ценные бумаги, имущество. Они принадлежали отцу, значит, теперь мои. И я найму лучших адвокатов, чтобы их вернуть. Уж поверьте.

— Стоп, — вмешался Дегтярёв, и в голосе его прорезался металл. — Никто никому ничего возвращать не будет, пока идёт следствие. Всё содержимое ящика изымается как вещественные доказательства. А вы, Артём Викторович, останетесь и ответите на пару вопросов. Например, как именно отец узнал о наследстве Соколова и о его содержимом. И не вы ли, часом, ему в этом помогли.

Я внимательно следила за лицом молодого Гольцова, и от меня не укрылось, как при этих словах в его бегающих глазах мелькнул страх. Самый настоящий, животный страх. Он что-то знал. Что-то скрывал.

И тут в моей бухгалтерской голове, привыкшей сводить концы с концами, начала складываться новая комбинация. Я вспомнила слова, которые сами собой вырвались у меня перед этим: курьер или нотариус. Кто-то слил Гольцову информацию о наследстве. Кто-то, имевший доступ к завещанию Аркадия Михайловича.

— Артём Викторович, — медленно произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — А чем вы занимаетесь? Где работаете?

Он дёрнулся, явно не ожидая вопроса от какой-то «бухгалтерши с кошкой».

— А вам какое дело?

— Просто любопытно, — пожала я плечами. — Знаете, я ведь бухгалтер. Профессиональная привычка — всё проверять, во всём искать систему. И мне вдруг подумалось: как же удобно всё сложилось для вашего отца. Аркадий Михайлович умирает. Оформляет тайное завещание у нотариуса. Я получаю коробку. И буквально на следующий день ваш отец уже звонит мне, знает про бумаги, предлагает деньги. Откуда такая осведомлённость, а? Кто-то ведь должен был ему доложить. Кто-то, кто имел доступ к завещанию.

Артём побледнел. Губы его сжались в нитку.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Зато я, кажется, начинаю понимать, — я повернулась к Дегтярёву. — Подполковник, надо проверить, через какую нотариальную контору оформлялось завещание Соколова. И кто такой Артём Гольцов по профессии. Сдаётся мне, связь найдётся.

Дегтярёв кивнул и что-то быстро записал.

— Проверим. Обязательно проверим.

— Это бред! — взвизгнул Артём, и от его бойлой наглости не осталось и следа. — Вы не имеете права! Я требую адвоката!

— Будет вам адвокат, — пообещал Дегтярёв. — А пока — проедемте в управление. Поговорим в более подходящей обстановке.

Молодого Гольцова увели к машине — он упирался, гро-

зился, сыпал именами влиятельных знакомых, но полицейских это не впечатлило. Я смотрела ему вслед, и в груди у меня росло нехорошее предчувствие. Слишком уж он испугался моих слов про нотариуса. Слишком явно.

Фёдор, всё это время молча стоявший рядом, тронул меня за рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.